

— Брат Хуаньси, ты будешь и дальше провожать Сьюаня в школу? — Мо Сьюань сидел между Тань Хуаньси и Мо Шаохэном, чувствуя себя невероятно счастливым. Он тихо смеялся, а затем поднял голову и спросил Тань Хуаньси.

— Конечно, если Сьюань захочет, чтобы я его провожал, — Тань Хуаньси был только рад. Он мечтал всегда быть рядом с малышом, и тут же добавил:

— Я уже договорился с сестрой Шаньшань, чтобы сегодня я забрал тебя из школы.

Мо Сьюань сразу же обрадовался, прикрыл лицо руками, а глаза его сверкнули, как молодой месяц.

Тань Хуаньси с улыбкой ущипнул малыша за щеку и невольно посмотрел на Мо Шаохэна. Увидев, что тот молча наблюдал за ними с спокойным выражением лица, он тихо вздохнул с облегчением.

Пока он не раскроет правду, он не хотел вызывать подозрений у Мо Шаохэна. Но, сталкиваясь с самым дорогим для себя человеком, он не мог сдержать своих чувств. Тань Хуаньси уже решил, что ни за что не откажется от Мо Сьюаня. Единственный способ вернуть его — раскрыть правду о том, что он и есть Нин Сюэ.

Когда они приехали в школу, Мо Сьюань с неохотой отпустил руку Тань Хуаньси:

— Брат Хуаньси, ты придешь за мной пораньше?

Тань Хуаньси рассмеялся, погладил его по щеке и пообещал:

— Хорошо, я обязательно приду раньше и буду ждать, когда ты закончишь занятия.

— Договорились! — Мо Сьюань был доволен.

— Ого, наш Сьюань уже знает такие слова! — Тань Хуаньси нарочно поддразнил его. — Ладно, малыш, если не пойдешь сейчас, опоздаешь на урок.

Мо Сьюань вздрогнул, сразу же отпустил Тань Хуаньси и помахал рукой:

— Папа, пока! Брат Хуаньси, пока!

Тань Хуаньси смотрел, как маленькая фигурка Мо Сьюаня растворялась в толпе, с легкой болью в сердце, но также с гордостью и умилением. Он невольно произнес:

— Сьюань действительно очень воспитанный, ты его хорошо воспитал.

— Да, он всегда был послушным, — Мо Шаохэн сделал паузу и вдруг добавил:

— Но воспитал его не я.

Тань Хуаньси на мгновение застыл, уставившись на Мо Шаохэна, и не знал, как реагировать.

Они долго смотрели друг на друга, а затем Мо Шаохэн тихо предложил:

— Пройдемся?

Тань Хуаньси, все еще не совсем отошедший от шока, машинально кивнул:

— Хорошо...

Тань Хуаньси шел рядом с Мо Шаохэном, и первоначальное удивление постепенно угасало. Изначально он действительно хотел осторожно выяснить, как Мо Шаохэн усыновил Мо Сьюаня, но не ожидал, что Мо Шаохэн сам заговорит об этом, избавив его от необходимости ходить вокруг да около.

Тань Хуаньси больше всего хотел узнать, где Мо Шаохэн нашел Мо Сьюаня, как малыш жил до усыновления, не страдал ли он и не испытывал ли трудностей. Люди из семьи Нин так ненавидели их семью, что после смерти его и родителей они наверняка плохо обращались с его сыном. Эта мысль вызывала в нем удушающую боль.

— Что случилось? — Мо Шаохэн, заметив, что Тань Хуаньси вдруг побледнел, с легким беспокойством положил руку на его плечо. — Тебе плохо?

Тань Хуаньси с сожалением покачал головой:

— Все в порядке.

Мо Шаохэн убрал руку, но не отводил взгляда:

— Если тебе нездоровится, сегодня можно вернуться пораньше.

Тань Хуаньси улыбнулся:

— Спасибо, дядя Мо, но я действительно в порядке. Если что-то будет не так, я обязательно скажу. Просто... просто я подумал о Сьюане. Раньше дедушка упоминал, что ты забрал его из семьи Нин в городе S. После таких событий в семье Нин, Сьюань, наверное, многое пережил.

Мо Шаохэн слегка удивился, помолчал и затем сказал:

— Нет, когда я приехал... он только что умер.

Его голос звучал немного грустно. Он уже не помнил, что чувствовал, когда узнал о смерти Нин Сюэ. Единственное, что он помнил, — это то, что его мысли были в полном беспорядке, и он не хотел видеть никого, даже Ци Фэнъюя и Хэ Цзинъи. Он провел весь день в одиночестве в своем кабинете.

Чувства Мо Шаохэна к Нин Сюэ были сложными, но он не мог отрицать, что был привлечен этим человеком. Ведь в то время они оба уже пережили возраст, когда можно было позволить себе быть импульсивными. В ту ночь 7 лет назад он выпил много, но не настолько, чтобы потерять рассудок. Было в этом и его намерение, он не хотел отказываться от этого человека.

Он думал, что их история на этом не закончится. Хотя начало было нелепым и неловким, это можно было исправить.

После окончания учебы Нин Сюэ вернулся в город S. Мо Шаохэн знал о его статусе. Люди из больших семей несли на себе слишком много семейного груза. Он не хотел беспокоить Нин Сюэ и добавлять ему проблем, к тому же он мог подождать. Но судьба, похоже, не дала ему шанса.

В то время он только что утвердился на посту главы семьи Мо. В семье еще было много недовольных, которые жаждали действий, а в криминальном мире многие думали, что он будет

занят внутренними проблемами, и ждали подходящего момента, чтобы нанести удар.

Мо Шаохэн, хотя и был уверен в себе, понимал значение слова «слабость», особенно если это слабость сердца. Пока ни он, ни Нин Сюэ не стабилизировали свои позиции, он прервал все контакты с ним. Этот разрыв длился 4 года, и к тому времени уже было слишком поздно.

В год, когда случилась трагедия в семье Нин, Мо Шаохэн был за границей. У него были планы: как только он закончит дела за рубежом, он вернется и найдет Нин Сюэ. Он думал, что за эти годы тот юноша, полный амбиций, уже стал зрелым и достойным наследником.

Когда он узнал, что семья Нин сменила владельца, родители Нин Сюэ покончили с собой годом ранее, а сам Нин Сюэ, живя один с ребенком, погиб в автокатастрофе, Мо Шаохэн впервые почувствовал горечь сожаления. Он сожалел о своей чрезмерной рассудительности, о своих колебаниях.

Родившись в большой семье, он должен был лучше других понимать, насколько жестокими могут быть большие семьи. Борьба за власть — это мелочи. Часто ради интересов можно пожертвовать даже самыми близкими. Как и он сам, если бы не знал, что смерть родителей не была случайностью, он бы не вернулся в семью Мо, не взял бы ее под свой контроль, не наблюдал бы, как те, кто погубил его родителей, корчатся в агонии.

Мо Шаохэн думал, что если бы он не прервал контакты с Нин Сюэ из-за своих слабостей, он мог бы помочь ему в трудный момент, и Нин Сюэ, возможно, не умер бы. И их отношения сложились бы иначе, не закончившись разделением между жизнью и смертью.

— Дядя Мо... — Тань Хуаньси остановился и положил руку на руку Мо Шаохэна, только сейчас заметив, что она была ледяной. Его сердце слегка дрогнуло, и слова утешения сами сорвались с губ. — Вам не нужно винить себя. Я не считаю, что ваше решение тогда было неправильным. Хотя прошло так много лет, я не могу полностью понять ситуацию, в которой вы находились. Но если бы я был на вашем месте, я, вероятно, поступил бы так же. Не только ради себя, но и ради... тех, кто мне дорог.

Независимо от того, что произошло между ними той ночью, Тань Хуаньси действительно никогда не винил Мо Шаохэна. Но сегодня, услышав, как Мо Шаохэн рассказывает о том, что случилось после его смерти, он не мог не почувствовать волнение.

В конечном счете, они ничем не обязаны друг другу. Хотя Мо Шаохэн говорил спокойно, Тань Хуаньси чувствовал скрытое сожаление и легкую тень чувств в его словах. Он не знал, насколько глубокими были чувства Мо Шаохэна к нему тогда, и не хотел строить иллюзий. Но одно было ясно: Мо Шаохэн тогда испытывал к нему определенные чувства, хотя это вряд ли была любовь.

Хотя это казалось невероятным, Тань Хуаньси не чувствовал отторжения. Человек, как Мо Шаохэн, сияющий, как звезда, если бы он влюбился в кого-то, было бы трудно отказать ему, включая самого Тань Хуаньси. Тем более, что между ними была та ночь и был сын.

Тань Хуаньси полностью понимал поступки Мо Шаохэна. Он сам жил в этом мире, где каждая ошибка могла привести к катастрофе, где даже свою жизнь нельзя было предугадать. Как можно было защитить любимого человека в таких условиях?